

В МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ. ФАНТАСТИКА
Црина Кульджанова

12+

ИРИНА КУЛЬДЖАНОВА

+Я

«ЛитРес: Самиздат»

2018

КУЛЬДЖАНОВА И.

+Я / И. КУЛЬДЖАНОВА — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник фантастических рассказов и повестей. Маленькие головокружительные путешествия в большие миры, те самые, что есть рядом с нами, по соседству. Живущие своей жизнью, охраняющие от нас свои границы. Но, как водится, всегда найдутся те люди, что их обязательно нарушат, и тогда теряется привычное равновесие и... начинается очередная история!

© КУЛЬДЖАНОВА И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

+Я	6
ОШИБКА В РАСЧЕТАХ	9
ПАТРУЛЬ	11
АНТИКВАР	14
БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ИРИНА КУЛЬДЖАНОВА +Я

+Я

Сон еще держал её. Перед глазами мелькали цветные всполохи, сюжет уже был утерян, оставалось лишь смутное ощущение, что она куда-то бежала. Она полежала еще немного, бездумно глядя на появившиеся перед ней значки. Значки были занятные, словно сотканые из тоненьких зеленых лучиков света. Их приятно было разглядывать. А потом она вдруг прочла: «С пробуждением, Ковчег-3000 рад приветствовать Вас. Перелет закончен, посадка совершена в запланированном режиме, развертка лагеря находится в стадии 3. Рекомендован индивидуальный комплекс реабилитации».

Эва попыталась привстать. Голова была тяжелой, перед глазами все плыло. Крышка криокапсулы неслышно, плавно исчезла в пазах, и стало понятно, что пробуждение Эвы наступило раньше всех. Все остальные капсулы были закрыты. Она улеглась обратно. Решила следовать рекомендациям и запустить полный комплекс медпроверки и поддержки. Несколько скан-лучей, легкий укол в локтевую ямку и левый висок, стало легче дышать. Пахло грозой и немного хвоей, Эва вспомнила, что установила это сочетание как предпочтительное. Установила еще перед вылетом, в центре подготовки. В голове прояснилось, настроение улучшилось. «Все жизненные показатели в норме, Вы готовы к работе». Отлично! Работа! Что-то царапало сознание, какая-то нестыковка, но девушка, как всегда, действовала в соответствии с инструкцией. Она легко выпрыгнула из капсулы, и двинулась к рубке.

Их экспедиционная группа была первой из запланированных ста по программе освоения и заселения планеты No3 системы ЕМЛ. Четвером они должны были развернуть лагерь и запустить работу комплексных ферм жизнеобеспечения к высадке первых поселенцев, а также подготовить лабораторное оборудование и питомники для формирования фауны.

Эта планета была из класса А, максимально удовлетворяющая потребностям человека, и при этом с минимальным уровнем опасности. Никакой живности, за исключением массы бактерий, уже на ней не было. Программа самоликвидации, заложенная группой разведчиков в геном местной фауны при помощи вируса еще при открытии этого сектора Галактики, прекрасно себя показала – планета за несколько поколений опустела и полностью готова к освоению. Здесь было буйство растительности, и восхитительное количество воды. Моря, целые океаны воды. Плюс реки, озера, подземные пустоты, заполненные водой и ледники на полюсах.

Такие планеты попадаются не часто, и Эве, для которой это был уже шестой проект подготовки поселений, она безумно понравилась еще при получении наряда. Она тогда часами просматривала потрясающие ее воображение фото ландшафтов, сводки геологоразведки, химические и аналитические сводки. Ей нравилось всё. Количество видов животных, годных к расселению, было огромным. Эва, ведущий специалист по биоравновесию на заселяемых территориях, даже в предварительный список внесла более миллиона видов. И почти все привезла с собой на эту планету. Предстояла большая работа, равная по местным меркам году – потом придут первые поселенцы, а Ковчег-3000 вернется в родную систему для подготовки к следующей экспедиции.

Пройдя в рубку и заняв свое рабочее место у аппаратуры. Эва решила запросить сразу всю отчетность по посадке и обстановке за бортом. Это было негласной традицией в их команде – кто первый встал, тот и начинает подготовительную работу сразу во всех направлениях. Основной монитор, транслирующий восхитительный рассвет за бортом, мигнул и погас. Потом вновь появилось изображение золотистых песчаных холмов, пологого берега заросшей зеленью

реки и начинающихся за рекой непроходимых джунглей. На их фоне сверху вниз медленно поползли строки, их сопровождал негромкий и спокойный мужской голос за кадром.

– Эва. Чуть позже ты прочтешь всю отчетность, и в этот раз она будет более подробная, чем всегда. А сейчас я просто расскажу, что произошло. Ты не проснулась вовремя, и, возможно, нам удастся спасти хотя бы твою жизнь. Все шло по плану. В первые сутки после посадки был развернут и собран первичный жилой модуль лагеря и лаборатория. Мы работали в обычном режиме – я на разгрузке Ковчега, Сол принимал груженные краулеры на месте будущего поселка, Кали отслеживала возведение. Все строймехи работали без сбоев. Когда ты не проснулась к вечеру, я сделал запрос в криоотдел корабля, чтобы уточнить, что происходит. Криокапсула отменила программу на твоё пробуждение. Решение о нём должен был принять капитан, то есть я. Указывалась и причина – твоё беременность. Ситуация была штатной, у нас было еще трое суток до того момента, как ты понадобишься как специалист, и мы решили, что пока справимся сами.

Ребята остались ночевать в лагере, я на корабле. А ночью умер Сол. Кали связалась со мной. Её отчет не был показательным – к вечеру Сол выглядел уставшим, болела голова и мучила жажда. А ночью сработал его индивидуальный датчик – сердце парня просто остановилось. Передвижная лаборатория не позволяет провести полное обследование, ты же знаешь. Почти все показатели были в норме, кроме повышенной свертываемости крови. Его тело решено было оставить в лагере, законсервировав, и позже изучить в лаборатории более тщательно.

Весь второй день мы вдвоем занимались разверткой лаборатории, и ночью уже смогли провести все возможные анализы. Результат был неутешительным. Анализатор выдал поражение клеток крови вирусом, не входящим в реестр зарегистрированных на этой планете. Кали взяла максимальное количество образцов и к утру смогла выделить вирус. Наш отчет в координационный центр подтвердил предположение, что вирус, давно известный и непа-тогенный, прибыл с нами на No3 с ЕМЛ. Он мутировал из-за аргона, которого в нашей атмосфере нет. Анализы показали, что я и Кали уже заражены... Синтез противовирусного средства был инициирован корабельным медблоком. Но уже поздно. Кали умерла двадцать минут назад. У меня час, как начались головные боли – стало быть, есть еще два-три часа. Тела ребят, и моё тоже, роботех доставит и загрузит в криокапсулы – в соответствии с инструкцией. Когда медблок закончит синтез сыворотки, корабль тебя разбудит, и она будет введена тебе. Надеюсь, все не напрасно... К-3000 ты в одиночку не поднимешь даже на орбиту, тебе придется ждать поселенцев.

P.S. Родная, знаешь, у нас будут два мальчика... Узнал из медотчета, когда ты спала. Эта новость изменила всё, и я решил, что это будет наш последний рейс – мне захотелось поселиться на этой планете вместе с тобой и нашими детьми... Мне горько оставлять тебя, поверь. Знаю, ты справишься, дождешься поселенцев, и для наших малышек третья от Солнца планета станет домом. Я так люблю вас. Береги себя и их. Твой Адам».

Строчки уже растаяли, а Эва все еще смотрела на экран. Затем встала, как сомнамбула, вернулась в криоблок. Сол... Кали... На панелях – показатели температурного режима, параметры замороженных тел. Только колонки с показателями активности мозга и сердцебиением пусты. Заставила себя подойти к капсуле мужа. Сквозь прозрачную крышку видно его лицо. Кажется, что он просто спит, что черты лица – крупные, волевые, красивые – заострились только от воздействия холода. Термопластик под рукой теплый и гладкий, и даже не верится, что под ним насквозь замороженное тело. В голове, наконец, появилась мысль – а что, если сыворотка неэффективна? Никому, кроме неё, не проверить. Ничего не чувствуя, Эва покинула корабль и отправилась в лагерь.

Она работала неделями, без перерывов. Боялась остановиться даже на минуту и ощутить боль потери и свое одиночество. Ночевала в лаборатории, обжив там небольшой отсек. Не смогла себя заставить вернуться на корабль, дистанционно руководила отгрузкой оборудования и образцов. Опустошив грузовые отсеки, перевезла медблок и запасы еды в лагерь. Она все ещё была жива. Значит, сыворотка эффективна. Начала синтезировать её для поселенцев.

Через два месяца поселок был полностью готов. Эва перевела роботов в спящий режим. И занялась, наконец, своими прямыми обязанностями. В первую партию восстановления из клеточных образцов вошли, как обычно, птицы и все обитатели моря. А потом, повинуясь неожиданному капризу, она добавила кошек и домашнего волка.

У неё появилась привычка болтать со своим животом, который уже начал округляться. Одной рукой загружала в рабочий компьютер необходимые данные, писала планы, печатала отчеты в центр, а второй почти все время поглаживала свой животик. Она сообщала «своим мальчишкам», какая погода, почему нужна коррекция в программе техобслуживания строймехов, куда и зачем отправляет краулер, на какой стадии развития первая партия восстановленных эмбрионов. Она шутила, жаловалась, хвалилась, поучала, хныкала, знакомила, пела и говорила изо дня в день:

– Мы с папой подарим вам самый чудесный мир, вот увидите, вам понравится!

Старалась уснуть сразу после заката, чтобы не видеть звезд, и просыпалась с рассветом.

Однажды, тихим и чистым утром Эва пришла к реке. Она часто бывала здесь, ей казалось, что нет места более умиротворенного и прекрасного, чем это. Как всегда, села на плоский камень, наполовину погруженный в воду. И в этот момент почувствовала, как там, внутри нее, осторожно шевельнулся ма-лыш. На мгновение она замерла. Прислушиваясь. А потом неожиданно для себя расплакалась. Впервые за все это время. Горе, что осело в её душе, напряжение и страх, что не отпускали её все эти месяцы, выплескивалось теперь глухими рыданиями. Она даже не пыталась утереть слезы. Они капали в воду, растворялись в спокойном и мощном потоке. Покидали её и таяли без следа...

Понемногу становилось легче.

Она посмотрела вокруг, словно увидела впервые полноводную реку, золотистый берег, утопающий в зелени, высокое ярко-голубое небо с плывущими пушистыми облачками. Этот мир больше не был для нее чужим. Он принял её, утешил в печали, и станет родным для её детей. И ему пора обрести имя. Эву охватило нетерпение, она выбежала с мелководья на берег, и, упав на колени, написала на песке: «№3 система ЕМЛ». Подумала и добавила: «+Я!». Затем стерла ладонкой надпись, и вывела новую: «ЗЕМЛЯ». Улыбаясь, проговорила вслух.

Взглянула на солнце и спохватилась – впереди еще масса дел! Ведь её ЗЕМЛЯ ждёт своих обитателей!

ОШИБКА В РАСЧЕТАХ

Марика заглянула в кабинет мужа. Он снова, в который раз, уснул за рабочим столом. Она вздохнула, с нежностью глядя на его взъерошенную макушку... Женя всегда засыпал, уткнувшись лбом в стиб локтя левой руки, последним сонным движением отстранив подальше вправо свой рабочий дневник. Это была толстая тетрадь в кожаном переплете, в еле угадываемую клетку. Все коллеги по проекту давно перешли на электронные записи, но Женя был верен себе. Кабинет, напичканный процессорами, всегда работающими мониторами, десятками метров проводов, вызывал в ней чувство ревности – здесь ее муж проводил все вечера и редкие выходные.

Вот уже десять лет, с тех пор как они поженились, не было никаких изменений в распорядке дня Евгения Ланчевского, ведущего специалиста Исследовательского центра по поиску и установлению контактов с внеземными цивилизациями. Его расчеты, его разработки и практические идеи по усилению мощностей радиотелескопа вселяли в команду уверенность, что многолетний эксперимент закончится победой. Евгений за несколько лет смог собрать в свою научную лабораторию лучших астрофизиков, не отказывался даже от абсурдных идей, его команда реализовывала каждую, предварительно тщательно все рассчитав. Так, расчетным путем, был открыт новый вид волн, цереа, обладавших скоростью, на порядок превышающих скорость света. Это был прорыв. После этого события Марика практически не видела своего мужа – он не расставался со своим дневником ни на минуту, вносил в расчеты корректировки, рисовал одному ему понятные схемы, даже во время совместного завтрака или ужина.

Марика сегодня схитрила, за столом четко и звонко сказала:

– Внеземная цивилизация!

Евгений вынырнул из своих дум, как рыба в зимнюю полынью – отсутствующий, подернутый дымкой взгляд прояснился, сфокусировался на жене. Он немного растерянно улыбнулся:

– Мари, малышка, какая ты сегодня красивая... А что ты говорила?

Марика, сидя напротив и подперев подбородок ладошкой, любовалась, как Евгений становится ненадолго ее милым, рассеянным и улыбочивым Женей. Сказала, что на дворе весна и неплохо бы выбраться на верхний луг – там уже цветов море и ветер теплый. Женя воодушевился, начал носиться по дому, хватал нужные и ненужные вещи.

Вдвоем они словно вырвались на свободу, наперегонки взобрались по тропинке, захавшись, упали на слоеные красные камни верхнего луга. Как всегда, Женя собрал охапку цветов. Увидев Марику в одуванчиковом венке, долго не сводил восхищенных глаз. Удивленно задавался вопросом, почему они так редко бывают вместе. Улегся рядом на камни, положил голову ей на колени.

– Как тебе это удастся? Я тебя знаю столько лет, и каждый раз – вижу, словно впервые...

– Жень, а когда ты найдешь эту свою цивилизацию – что дальше?

– Ну как... есть программы, надо развивать отношения, обмениваться достижениями, учиться друг у друга...

– И ты будешь абсолютно и безоблачно счастлив?

– Конечно! Это мечта всей моей жизни! Хотя вот сейчас, в эту самую минуту я счастлив – абсолютно и безоблачно!

– Послушай, а как ты думаешь, скорость мысли – она выше, чем скорость цереа?

– Неа, не может быть выше... Если хочешь, посчитаем... Он смотрел снизу вверх на Марику, на небо над ее головой, плывущие облака...

– Давай потом, ладно?

Ветер принес с собой запах близкого дождя, серые клочкастые тучи и зябкий, ползущий по земле, холод. Пора уносить ноги... А дома наконец согреть друг друга и не отпускать этот легкий и нежный день подольше... Но все заканчивается, и Евгений погрузился в работу.

Сейчас Марика, погладив спящего мужа по голове и плечам, взяла его за руку, потянула вверх. Он послушно, не просыпаясь, встал из-за стола. Она приобняла его за плечи, и, приговаривая, как малышу:

– Пойдем, милый, тут тебе не удобно..., – довела его до кровати. Помогла улечься, укрыла. Потом вернулась в кабинет.

В раскрытой тетради теснились новые схемы, расчеты, на полях мелким почерком – пометки «скорость мысли», «цереа», «характеристики излучателя» ... Заканчивались записи безапелляционным выводом: «Цереа – победитель!» Марика мельком просмотрела расчеты, вернулась к самому началу, ненадолго задержалась. Улыбнулась, не глядя, на ощупь нашла на столе ручку, подчеркнула несколько знаков, поставила на полях знак вопроса и слово «ошибка». Выключила настольную лампу.

В спальне царил запах собранных цветов. Женя глубоко и ровно дышал во сне, иногда что-то невнятно бормотал. Марика расплела косу, присев ненадолго у маленького трюмо. В темноте было почти не видно отражения, оно скорее угадывалось – хрупкий силуэт, длинные, почти до пола, волосы. Взошедшая неполная Луна высвечивала их нежным серебром. Марика легко встала, потянулась задернуть плотную портьеру. На мгновение задержалась, привычно нашла в черном высоком небе далекую маленькую искорку. Безымянную. Там, в ее золотистом свете сейчас дышала теплыми ветрами и цветочными ароматами одна из заселенных планет.

Ее родина.

ПАТРУЛЬ

Вчера открылась Дверь в Тотмир. И сегодня я и Сельм заступаем в Патруль.

С этими открытыми Дверями всегда забот выше крыши...

Туда начинают переть все Голодные, а оттуда... Оттуда лезут люди. Любопытные, агрессивные всезнайки. Жили бы в своем мире, так нет же, открывают запечатанное и запрещенное, и не страшно им. А мне страшно. Я их боюсь. И нечисть у них жуткая вся – прям как наши Голодные, а то и хуже. Дикий мир!

А вот Сельм не боится... Аж шерсть у него на загривке встала дыбом от предвкушения. Он, конечно, получает свою порцию энергии, как и все, но начитался и наслушался всякого. Что люди излучают энергию, которая гораздо вкусней, чем та, которая в нашем мире. Но, я думаю, враки это всё. Придумки любопытствующих, и кто дичает, что б оправдать поиск лазеек в Тотмир.

Наше Межпределье уже сколько существует! А все потому, что законы соблюдаем и живем по старинке! Кто-то только для себя энергию аккумулирует, Никчемныши это, а не Призрачные, но куда ж их деть, есть и такие.

Голодные – они вообще полностью деструктурированы, потребление – это все, что для них важно. Отгрызть, отъесть, украсть – за ними не заржавеет...

А остальные – просто участники обмена. Кто-то только с соседом делится, а есть и те, что с целым районом может. Но это редко, это уж двенадцатый уровень. До него редко кто структурируется, основной народец, как я, – середняки, на себя да на пару мохнатых, да на тройку, четверку Призрачных. Без обмена никак. Сгинешь, если в своем соку вариться...

Мохнатые не аккумулируют совсем и не вырабатывают, но зато они лучшие стражи. Правда, смертны. Ходили слухи, что мохнатые – пришлые из Тотмира. Конечно, все может быть, ведь все знают – им хоть раз в жизни нужно в открытую Дверь нос сунуть и подышать. Для таких, как Сельм, это единственный способ продлить свою жизнь еще на столько же, сколько уже прожито. Вот он и рад до самых вибриссов, что сегодня в Патруль, вдруг человек с той стороны дверь еще раз откроет и впустит, это ж как поживиться можно!

В патруль заступают двое, один призрачный и один мохнатый. У нас в паре мохнатый Сельм, а я, понятное дело – из призрачных. Мохнатых никогда на ту сторону не затаскивает, и задача их – оттуда не впускать, туда никого не выпускать. Ну и нос высунуть, само собой, жить то всем охота. А призрачный нужен, что бы мохнатый не увлекся и не позабыл про всё на свете.

А ещё бывает, что открывающий просто ломится в Дверь, и стражу одному не справиться. Главное – ночь пережить, а днем вряд ли кто сунется. Отдежурившие Лохан и Сим разочарованно сдали нам смену – видно, как и мой напарник, надеялись на приключение и левую энергопайку. А я... я бы лучше лежал эту ночь на крыше и слушал песни звезд.

Я расположился у окна, как по мне, так подоконники это лучшее изобретение людей. Сельм обошел периметр комнаты, легко вспрыгнул на стол и свернулся калачиком у большого настольного зеркала, через которое и была открыта Дверь. Все верно. Боевая готовность. Правда, тех, кто может дверь открыть с той стороны не так уж и много. Это радует!

Когда я оказываюсь в Патруле, мне всегда в голову приходит одна и та же мысль: «Какой из двух наших миров – отражение другого?» С одной стороны, комнаты, дома и ненужные нам дороги, какие-то промышленные здания и все остальное появляется в Межпределье само собой. Наверное, потому что создается в Тотмире?

С другой стороны, я знаю это наверняка, у каждого призрачного по ту сторону Предела всегда есть человек – отражение. Призрачные бессмертны, а их отражения приходят в Тотмир регулярно. Одни и те же характеры, одинаковый отпечаток ауры, внешность. Они проживают

в Тотмире свои жизни, но какими-то непонятными силами связаны со своим призрачным. Иногда во снах они видят Межпределье, и думают, что все это происходит с ними. А отражения вещей, которые эти люди создают, притягивают их Призрачного, как магнит, в нашем мире. Так что пока не знаю...

Минула полночь. Сельм зевнул, потянулся и посмотрел в серебристую непрозрачность зеркала.

– Слышь, Рев, время уходит. Передумали они... – он выгнул спину, вытянул пушистый хвост трубой, прищурил свои фиолетовые глазищи.

– Ну и отлично! – искрящийся за окном снег и мерцающие хрусталем звезды восхищали меня теперь еще больше.

– Эх... – Сельм разочарованно потерся лбом об ажурную рамку зеркала, – когда я еще теперь в Патруль попаду... Так однажды и сгину, а тебе все равно...

– Что значит – сгинешь? Ты еще вон, прилично светишься!

– Не сейчас, так потом! А с тобой нет никаких шансов в Тотмир нос высунуть... Так и буду, всю жизнь Голодных отгонять... Эх!

Сельм молча улегся, подобрав под себя лапы, словно они мерзли. Я ощутил себя виноватым.

– Сельм?

Он отвернулся, вывернув уши в мою сторону.

– Сельм, ну мы же тут! Остальное – дело случая...

Он неразборчиво мявкнул что-то. Подергал шкурой на спине. Весь его вид выражал недовольство мной и раздражение.

А я...

Я вдруг почувствовал, как сквозь меня прошелся влажным холодом сквозняк. А потом меня потащило к столу... Как в замедленной съёмке, увидел подскочившего Сельма, его испуганные глаза и вставшую дыбом шерсть. И свет, начинающий просачиваться из открывающейся Двери зеркала. Этот безумно теплый, желто-оранжевый свет, которого в Межпределье не бывает.

Из тоненького лучика он на глазах ширился, и не было никакой возможности сопротивляться или посмотреть в другую сторону. Через мгновение неведомая сила почти расплющила меня о стремительно теряющую непрозрачность поверхность зеркала.

Я услышал дикий вопль Сельма, почувствовал боком сокрушительный удар, и меня вынесло из зоны действия Двери. Переведя в блаженном сумраке дыхание, я обернулся.

Сельм заморожено смотрел прямо в зеркало, во все шире открывающийся коридор. Льющееся оттуда свечение окутало уже его с ног до головы, лишь гибкая спина и замерший хвост еще оставались в тени. Свечение отражалось и плясало вытянутым пламенем в его широко раскрытых глазах, рассыпалось мелкими искорками по вибриссам и вздыбившейся шерсти. Казалось, оно проникает под шкуру мохнатого. Что он потихоньку начинает плавиться и растворяться в этом золотистом луче. Сельм поднял правую переднюю лапу, на ощупь перешагнул через раму зеркала, оказавшись наполовину в коридоре.

Я не успел ничего подумать... Просто с разбега толкнул его в бок, отпихивая друга от зеркала. Но тело мохнатого – это не призрачное тело, и мне понадобились все мои силы, что б хоть немного сдвинуть его с места. И этого оказалось достаточно.

Сельм, как на пружинах, подпрыгнул на всех четырех лапах, ударился спиной о рамку зеркала, и с шипением попятился обратно в комнату. Свечение из Двери мигнуло и немного потускнело, сузилось до вертикальной полосы. Сельм, тяжело дыша и осторожно отступая,

вылез из рамы. И перевел на меня горящий фиолетовым огнем взгляд. Совершенно безумный... Я понял, что ему нужна передышка. Боец и страж сделал все, что мог, и какое-то время мне не помощник.

Свечение в зеркале начало вновь набирать силу, меня окатила волна влажного холода. Но сейчас я был готов. Не смотрел в ширящийся коридор, и позволил подтянуть себя почти вплотную к тающей в неверном свете поверхности зеркала. Только тогда открыл глаза.

И посмотрел на неё. То, что это была совсем молоденькая девчонка, я понял еще в первый раз. Перед внутренним взором тогда промелькнули просыпающиеся юной зеленью почки, блики солнца в ручьях и россыпь веснушек. Сейчас она смотрела на меня в упор из открывшегося в зеркале коридора. Темно-зеленые, травянистого цвета глаза, в которых плясало пламя свечи и какие-то тени. Она что-то шептала, но я ничего не слышал. Просто догадался, что это за слова. Конечно, это было гадание.

Она еще ничего не видела, свет только начинал меня проявлять. Я вцепился в раму обеими руками, чувствуя, как Тотмир с каждым неслышным словом затягивает все сильнее. Подчиняет своим законам и делает меня видимым. А мне уже слышны стали негромкое:

– Ужинать... Ряженный – суженый, жду тебя ужинать... – она осеклась, глаза сделались испуганными, она немного отпрянула от зеркала – наконец меня стало видно. Но было еще что-то, кроме испуга... Недоумение, да. И злость. И обида. Еще мгновение она смотрела на меня, а я чувствовал, что цепляюсь за раму уже из последних сил. Что если она не закроет Дверь, то меня вынесет в эти пустые коридоры на веки вечные, и никто меня там уже не сыщет. Или я вывалюсь в Тотмир, и не знаю, что страшнее...

А потом все произошло одновременно – она выдохнула в отчаянии:

– Это не он! Чур меня!

Меня оторвало от рамы и швырнуло назад, в Межпределье, а Сельм с громким продолжительным «Мрррррррррррр» прыгнул к зеркалу, старательно собирая на себя гаснувший желто-оранжевый теплый свет. Через мгновение Дверь закрылась.

Мы оба ошарашено молчали. Сельм еще фыркал, боясь отодвинуться от зеркала и оставить меня неприкрытым. Я не двигался, боясь обнаружить, что вернулся не весь. Потом пришло осознание, что эта Дверь больше не откроется, ни сегодня, ни завтра. Никогда. Наверное, девчонка расколотила зеркало...

Я подошел к окну, сел на подоконник. Ночь за окном все так же искрилась и переливалась хрусталем и чернильной синевой.

– Да... враки все, там энергия такая же, как наша... Только её так много – аж оглушает... Чуть не испепелило меня. Спасибо, что остановил, – он быстро глянул на меня, отвел взгляд и прищурился. – И... Что теперь?

– Ну, всё... Мы справились. Почему-то! Двери больше нет. Ты насобирал себе достаточно, да и я все еще жив. А девчонка... Будет поневоле теперь искать моего двойника! Где-то он есть там, рядом с ней, раз сегодня я дежурил. А не маялась бы дурью – была бы с тем, кто «он».

Я понял, как сильно ослаб за эту ночь. Наверное, даже по меркам Межпределья стал не то, что призрачным – прозрачным. В таких случаях помогает уютное местечко на крыше, и холодный бледный рассвет. И ещё – живой и здоровый Сельм. Он, конечно, вечно рвется туда, откуда можно не вернуться, но он мой лучший друг и напарник. Закрыв глаза и выдохнув, я, наконец, расслышал, как за окном тихо поют перед рассветом звезды.

Наша крыша ждет нас!

АНТИКВАР

Ирландка!

Как он сразу не догадался! Хотя, когда она телефонировала о своем визите пару дней назад, слышимость была столь отвратительна, что было совершенно непонятно даже, мужской или женский голос он слышит. Джеймс внутренне содрогнулся, понимая, что сам согласился принять её.

– Мисс ...

– Бёрнс. Дара Бёрнс.

– Мисс Бёрнс, оценка займет некоторое время, вы подождете или зайдете позже?

Не удалось. Она с недоумением и возмущением уставилась на него из-под негустой вуалетки. Потом, сдержавшись, проговорила почти спокойно:

– Мистер. Паддингтон. Я. Подожду. Здесь. Я могу присесть?

Он разочарованно кивнул. Указал на кресло у камина. Сам разместился напротив. Гостья одним движением распустила завязки плаща-накидки, не глядя швырнула его на кофейный столик. Затем практически плюхнулась в кресло, откинула вуалетку наверх и небрежно стащила замшевые перчатки шоколадного цвета. Тепло от камина разливалось плотным потоком, но она наклонилась еще ближе к огню и вытянула руки. Девушка была худой, если не сказать мосластой, не очень складной, все в ней было как-то чересчур. Словно навскидку нарисованная тушью и раскрашенная к Рождеству дешевая открытка. Слишком длинные руки, ноги и шея. Слишком яркие, оранжево-морковные, абы как уложенные под дурацкую шляпку сумасшедшие кудряшки. Одетая – вроде ничего особенного. Блузка под горлышко, несколько пышновата в рукавах и груди, но спокойного бежевого цвета. Узкие брюки из мягкой кожи оттенка охры, жесткий полукорсет на клепках и классической шнуровке, на левом бедре сумка-кобура. Но даже в этом незамысловатом повседневном костюме она выглядела, как разбойница. Джеймс угрюмо смотрел, как тяжелые ботинки на рифленой подошве попирают линфийский ковер, который он привез сто лет назад из саркандской лавчонки и с которым так и не смог проститься и выставить его на продажу. В поездке он вроде как чуть не издох от холеры, но его вытащили с того света врачи какой-то благотворительной кампании, примчавшиеся в Сарканд спасти человечество. Джеймс не помнил ни лиц, ни имен своих спасителей.

Пауза затягивалась. Джеймс кашлянул. Мисс Бёрнс, прикрыв глаза, медленно кивнула камину, выдохнула и повернулась к хозяину дома. Ну конечно! Художник, создавший это лицо, и тут не отказался от принципа «много всего и неважно, зачем». Какое-то острое. Высокий лоб, рыжие брови и ресницы, ярко-синие, почти ультрамариновые, маленькие глазки. Худые и высокие скулы. Кошмарное количество веснушек, такое, что скорее найти белые пятнышки среди этой плотной россыпи. Румянец во всю щеку, еще и на подбородке. Хрящеватый нос. Тонкие, чересчур красные, губы. Джеймсу, повидавшему за свои шестьдесят лет женщин, считавшему себя знатоком и ценителем, она показалась абсолютно и невообразимо некрасивой. Её нельзя было сравнить ни с гончей, ни с лошадьё, ни с птицей. Впрочем – да. Это же ирландка. Хотя и говорит без акцента. Настоящая Plastic Paddy.

– Я слушаю вас, мисс Бёрнс.

– Сейчас, – она выудила из сумки отливающую желтым гильзу.

– 0.303 калибр? Признаться, не ожидал таких... носите-лей... Давайте, давайте посмотрим...

С этого нужно было начинать! Он тут же позабыл, кто принес ему гильзу. Стянул с темечка на правый глаз окуляр, подкрутил, ловя фокус. Мелкий размеренный треск, раздававшийся в момент настройки окуляра, всегда погружал его в радостное рабочее нетерпение.

«Света недостаточно,» – подумалось вскользь, но оторваться от осмотра даже на мгновение не хоте-лось. Тем более, что присмотрелся – вроде как и посветлело. Несомненно, гильза в прекрасном состоянии, и содержимое должно быть не повреждено! На матово отливающем металле четко читалась цифра два. Сдвинул окуляр, перевел взгляд и увидел, что пока он занимался гильзой, гостя сняла канделябр с камина и поставила на столик, скинув плащ на пол.

– Вы знаете, чьи воспоминания там запечатаны?

– Да, знаю. Врача её Королевского Величества. Но должна предупредить сразу – это частная история, и к её Величеству не имеет никакого отношения.

– Вот как... Это резко снижает стоимость...

– Мистер Паддингтон. Скажу сразу – мне нужны деньги и еще кое-что. Я знаю примерную стоимость воспоминаний, и знаю, что вы не слишком щедры. Но я связана словом, которое дала ... скажем так – источнику, что свяжусь лично с вами. Возможно, когда вы ознакомитесь с содержимым, измените свою точку зрения. Объем там небольшой, я подожду.

Но Джеймсу было все равно, чьи это воспоминания. Он уже достал из витрины визиошлемофон, приладил патрубки нужного калибра и протер идеально черные линзы. Нетерпение мешало даже говорить, хотелось поскорей погрузиться в по-настоящему другой мир. Его коллекция чужих воспоминаний была обширна, и чем больше она росла, тем большая страсть его накрывала. Ко многому равнодушный в жизни, не нуждающийся ни в друзьях, ни в семье, Джеймс Хэмиш Паддингтон испытывал одну-единственную страсть. Кусочки настоящей жизни незнакомых ему людей, эти воспоминания, которые можно было заключить в гильзу, представлялись ему неким парадоксом. Он владел безраздельно частью чужой жизни. Все, что было в этих воспоминаниях – события, запахи, звуки, ощущения – теперь принадлежали только ему. Восхитительным было и иное, не свойственное Джеймсу, отношение к жизни, эмоции, ситуации, в которые он сам вряд ли когда-нибудь попал бы. Он дорожил, помнил о каждом экземпляре коллекции, которую называл про себя «обойма», и никогда ничего из нее не продавал. Иногда на него выходили частные коллекционеры, антиквары, и он соглашался на обмен. Так к нему попала люгеровская девятимилли-метровая – и прекрасный отрывок из жизни промышленного шпиона с забавной фамилией Лажневский.

Он заключил в гильзу массу подробностей из собственного дела, то, что при его жизни не должен был узнать никто. Видно, боялся, что провалил всё и избавлялся от компромата в собственных мозгах... Правда, удовольствие от просмотра Джеймсу всегда портила жена Лажневского, соображавшая еще быстрее мужа и явно наставляющая ему рога. Она всегда мелькала в поле зрения, и очень отвлекала. Судя по ощущениям, Эдита властвовала в жизни мужа и запросто могла его подставить. Но Джеймс никогда не проявлял интереса к жизни и историям тех людей, чьи воспоминания хранил, какими бы интересными или отрывочными они не были. Не вел никаких расследований. Просто наслаждался тем, чем владел. Та гильза была самой старой в его коллекции.

Сейчас его немного тревожило, что при "погружении" рядом будет находиться человек совершенно чужой, глубоко ему неприятный и, судя по всему, неизвестно на что способный. Джеймс чувствовал исходящую от девчонки угрозу, но уходить в другую комнату не имел права – экспертиза всегда проводилась в присутствии продавца. Он дернул за шнур, как всегда надеясь, что Барт еще не окончательно оглох, услышит этот премерзкий звук колокольчика, и придет вовремя. В гостиную тут же вдвинулись колоссальные бакенбарды и столь же внушительный живот, стянутый темно-синим жилетом на мелких пуговицах в ряд. Пуговицы держались стойко, не смотря на изрядный напор.

– Барт, пока я занят, предложи госте чай, – подразумевалось, что теперь старый камердинер не спустит с этой ершистой девицы глаз.

Джеймс, больше не отвлекаясь, заправил гильзу в патрубок визиошлемофона, провернул на шесть полных оборотов стартовую шестерню, отчего она стала мелко и мерно отщёлкиваться

в обратную сторону. Внутри шлема сначала мигнуло зеленоватым, потом свечение окрепло и стало равномерным. Джеймс глянул на гостью – она была увлечена сбором капель воска с канделябра. Джеймс поморщился, что есть силы выдохнул и надел шлем.

Она судорожно вдохнула душный пряный воздух. Сухой и пыльный. Изрядно надоевший...

Никогда Ахана Рэйд не была так занята. Служба в Королевском меддивизионе начала отнимать все силы еще с вступительной практики. Уже четыре месяца их отряд кочевал по Азии, но ни Ахане, ни её коллегам вылезти из медпалатки было некогда. Она даже не задавалась вопросом, куда они едут и где останавливаются. На неделю, иногда полторы, разворачивался палаточный лагерь, и с утра до ночи к ним шли люди. Операции, уколы, анализы, микроскоп, бинты. Порошки, пилюли, перевязки. В последний день уже затемно лагерь собирался, грузился на конки, или рикш, или телеги, или... Перед глазами Аханы вертелся калейдоскопом мир, состоящий из непонятной чужой еды, больных людей. И бесконечных вагонов. Чем дальше на юго-восток, тем меньше и многолюднее они становились. Где-то впереди, в далеком Пекине, их будет ждать дирижабль. Мысль о том, что обратный путь не придется проводить в тошнотворно раскачивающемся поезде, дышать пылью и жуткой смесью запахов вселяла в нее радостное ожидание. Ей хотелось домой. Сейчас и чужой Лондон казался ей домом. Короткими беспокойными ночами все чаще снился серый, погруженный в туманы, город. Газовые фонари, влажные отблески мостовой... Прохлада.

Когда-то эта работа казалась ей чередой приключений, но спустя пару недель бесконечной тяжелой и выматывающей рутины Ахана начала погружаться в тоску. А ещё она мечтала о воде. Обычной чистой холодной воде, которую Иде наливала для неё в кувшин каждое утро... Вместо нее сейчас была вода в большой жестяной фляге, куда засыпалось нечто дурнопахнущее, но призванное спасти их от лихорадки и болезней живота. Ахана пила её сквозь стиснутые зубы, заставляя себя глотать кисло-горькую жидкость.

Очередной город, где они выгружались в кромешную темноту, встретил их тревожным воем псов. Встречающий проводник и переводчик, держа в руках бронзовую длинноносую лампу, что-то непонятно бормотал себе под нос. Ясно слышалось только два слова: «Живота» и «Алласакта».

Утром стало все понятно. В городе бушевала холера. Ахану впервые захлестнул какой-то животный ужас – люди приходили десятками, приносили детей, умирали. Смуглые, черноволосые и темноглазые, в полотняных шальварах и цветастых плоских шапочках – тубетейках, полосатых халатах. Прослышав о врачах, к их лагерю уже на следующее утро стеклось невообразимое количество людей. Их сортировали, учили, поили, снабжали лекарствами.

Утро походило на кромешный ад. К полудню поток иссяк. Ахана сняла ставший совершенно грязным, невыносимо воняющий передник, еще раз пробежалась взглядом по тем, кто не мог уйти и остался рядом с палаткой. Над ними более здоровые сейчас сооружали навесы. Все по плану, можно сделать небольшой перерыв. Вдруг она с изумлением увидела бодрого, просто пышущего здоровьем молодого человека. Англичанина! Он вышагивал по площади, обходил сидящих и лежащих людей, вытягивал шею, явно ища кого-то. Его сорочка была безупречно выбелена и отглажена. Брюки и темно синий жилет выглядели так, словно мелкая пыль, висевшая все время в воздухе, сама шарахалась от них во все стороны. Ахана бросилась навстречу – никак нельзя, что б он тут находился! Он заразится!

– Добрый день, мисс. Мистеру Джеймсу Хамишу Паддингону срочно требуется помощь врача. Вы можете меня проводить к доктору?

У Аханы закружилась голова. Боже, словно нет вокруг этого сумасшедшего азиатского мира, только лишь размеренность и сдержанность Старого света!

– Я врач! Мисс Рэйд. Что случилось?

– Боюсь, мисс Рэйд, мистер Паддингтон потребует другого врача, – под напускной невозмутимостью проглянуло смущение.

– Вот как? – ну конечно, она сталкивалась с этим на протяжении всей своей недолгой службы. Особенно в Британии.

Врач-женщина. Да еще – ирландка! Да еще совсем молоденькая... Она заправила непослушную рыжую кудряшку за ухо. Ну, я вам покажу! – К сожалению, другого врача здесь нет. Если нужно, я окажу помощь. Если нет – не отвлекайте, у меня полно работы!

Она развернулась на каблуках, взметнув юбки, и направилась поскорее прочь. Гнев и обида снова наполняли её сердце, и если раньше она справлялась с ними довольно быстро, то сейчас на эту борьбу просто не было сил. За время этого изматывающего путешествия Ахана успела привыкнуть к тому, что все, кто приходил за помощью, доверяли ее знаниям и мастерству. Ни один из сотен людей не усомнился, что она может помочь. И она никого не оставляла.

Конечно, другие врачи были. Но дело ведь было не в этом. И всё же, чем дальше она уходила от безупречного посланца мистера Паддингтона, тем большие муки совести на нее наваливались, отодвигая собственную обиду на второй план. Дойдя до медпалатки, она уже раскаивалась в своем поведении.

– Мисс Рэйд! – он догнал её на входе. – Мисс Рэйд, прошу вас! Мисс Рэйд, прошу меня простить. Пожалуйста, мистера Паддингтона нужно осмотреть! Я к вашим услугам, всё, что понадобится!

– Вы камердинер? – она обернулась, уже планируя, что взять с собой.

– Барт, – он пригладил слегка растрепавшиеся волосы, вытянулся стрункой и задрал подбородок.

– Подождите меня, Барт. Мне нужно взять саквояж. Тогда она впервые увидела город. На неё хлынула знойная пестрота пустых в этот час улиц. Здания словно дрожали в полуденном мареве. Протяжный гулкий звук, разнесшийся с минаретов – она уже знала, это призыв к молитве.

Идти было недалеко. Прохлада довольно чистого двухэтажного постоянного двора была, как спасение. Во внутреннем дворике – о, блаженство! – мирно журчал небольшой фонтанчик, окруженный невысокими деревцами. Но умиротворенную картину разрушил громогласный рык, раздавшийся откуда-то из недр второго этажа:

– Баааааарт!

Барт деланно медленно повернулся к Ахане, попросил подождать, и со скоростью испуганного зайца метнулся на зов. Она двинулась следом. С первого взгляда, брошенного на пациента, Ахане стало ясно многое.

Что его жизни и здоровью ничего не угрожает. Что он молод и не особо красив. Что у него ужасный характер. И что она влюбилась... Мысль о том, что покидать надолго лагерь ради одного единственного пациента немислимо, растаяла и испарилась. Мир поделился на две части – ту, где был Джеймс Хэмиш Паддингтон, и другую, включающую в себя всё остальное. Вторая стремительно съеживалась до мизерных размеров. Призвав на помощь все своё самообладание, она приступила к осмотру.

Это было всего лишь расстройство желудка. Похвалив Барта за правильный уход, выдав лекарства и выдержав ледяной взгляд пациента, Ахана заторопилась в лагерь.

– А ну стойте! – его бесцеремонность зашкаливала, но девушка спокойно обернулась с порога.

– Мистер Паддингтон! Мне пора, следуйте моим рекомендациям и выздоравливайте.

Вслед ей донеслось яростное:

– Барт! Где ты её нашел? Мне надо было уехать в Сарканд, что б и тут наткнуться на шайку наглых ирландцев? Что б этого больше не повторялось!

Чувствуя, что сейчас расплечется, Ахана почти бегом покинула постоялый двор.

Следующие два дня она себя уговаривала. Он сноб и шовинист. Презирает ирландцев и не признает женщин-врачей. Он грубый самонадеянный болван. Похож на каланчу. Или на богомола.

У него длинные руки и ноги, светлые, с рыжиной волосы. Он неуклюж и способен высверлить дыру в стене своим взглядом...

Сердце ей твердило: «Да! Он наслушался чужих бредней и уверовал, что чем-то лучше других! Он ранен своей обособленностью! Он нуждается в помощи и участии даже больше, чем те, кто умирает от обезвоживания, потому что его сердце ссохлось от одиночества. Он просто выросший, но еще не повзрослевший мальчишка.» Умом же понимала, что нужно просто дождаться отъезда.

А вечером второго дня он появился у входа в медпалатку. Растрепанный, небритый, в несвежей блузе и мятых, пыльных штанах. Не глядя на неё, словно она виновата в чём-то, произнес:

– Мисс Рэйд... Барт заболел. Сегодня. Уже совсем плох. Прошу вас...

Это была холера. За несколько часов Барт превратился в синюшную тень самого себя. Но было еще не поздно. Полночи девушка провела рядом с ним, капая растворы, сделав необходимые инъекции. Когда она спросила, кому объяснить, как ухаживать за больным, Джеймс задумчиво посмотрел на таз, ведро с кипяченой водой, ночной горшок под кроватью.

– Мне объясняйте. Я буду.

– Это очень... грязная работа... Уверены?

Он медленно перевел на нее тяжелый, яростный взгляд.

– Что делать?

Теперь за Барта она была спокойна.

Приходила на постоялый двор каждый вечер, когда лагерь замирал в сонном оцепенении после тяжелого дня. Падая от усталости, сменяла Джеймса, давая хоть пару часов поспать. Он больше не демонстрировал своего недоверия к ней. Они почти не разговаривали, словно только Барт занимал мысли каждого из них.

На вторую ночь Ахана уснула, сидя на низкой скамеечке у кровати Барта. Сквозь сон она чувствовала, как ее подхватывают на руки, и ей хорошо, и спокойно, и уютно... И так хорошо пахнет – немножко кедром, вереском и чем то прохладным... Наверное, дождем... Так и провалилась снова в сон. Проснулась за полночь. На не расправленной кровати Барта в маленьком за-кутке. Рядом, сидя на полу и опершись спиной о кровать, спал Джеймс. Затаив дыхание, наклонилась, поцеловала его в шею.

Потерлась щекой о плечо. Вдохнула – да, кедр, вереск, дождь... Зажмурилась и отстранилась.

Осторожно, что б не потревожить, встала с кровати и вышла в большую комнату, где лежал Барт. Прислушалась к его дыханию. И не услышала. Похолодев, подбежала к его постели – и никого не нашла.

– Ему стало лучше, мисс Рэйд. Опасности больше нет. Он попросил, что бы я отнес его вниз, там за ним присмотрят, – Джеймс стоял совсем рядом, его темный силуэт закрывал весь проем окна.

– Мне ... нужно возвращаться. Только соберу вещи, – в голове стоял легкий звон от усталости и испуга. Или его присутствия совсем рядом.

– Я помогу, – голос его сел. – И провожу вас...

Почему-то не зажигая лампы, они собирали немногочисленные вещи в саквояж, то и дело натывая друг на друга в сумраке комнаты. Напряжение и молчание становилось совершенно невыносимым.

– Знаете, мистер Паддингтон, пожалуй, лучше Барт соберет всё, что я забыла, и принесет, когда почувствует себя лучше. Договорились? – она шагнула к двери.

– Нет.

Ахана остановилась, словно налетела на стену. Резко развернулась к нему.

– Что значит «нет»?

– Не договорились.

– Дайте мне саквояж, я сама доберусь, здесь не далеко.

– Мисс Рэйд... Ахана... Мне нужно с вами поговорить, – его голос звучал глухо, совсем рядом с ней. – Выслушайте меня.

– Хорошо. Только давайте зажжем свет.

В мерцающем желтом свете лампы комната казалась незнакомой. Плотные тени нехотя уползали в углы, таились под потолком. С улицы доносился звук колотушки уходящего все дальше ночного сторожа.

– Мисс Рэйд, посмотрите на меня, пожалуйста.

Ночи тут гораздо темнее и совсем другого цвета, чем в Лондоне...

– Пожалуйста, прошу.

Это была плохая идея. Очень, очень, очень плохая идея. Мир большой, а спрятаться нигде. Так ведет себя море в самом начале шторма. Оно темнеет, словно копит мощь, разрушительную, тяжелую и беспощадную. Его синие глаза сейчас так же по-темнели и стали почти черными. Она чувствовала – грядет шторм. Медленно опустилась на привычную низенькую скамеечку. Он сел прямо на пол напротив нее. Взял за руку. Почти сразу заговорил.

– От матери мне в памяти осталось только имя, она умерла, когда я родился. Её звали Эллин. Так же, как мой отец и дед, я стал антикваром. Каждый из них создал коллекцию и стал знатоком – дед в магических артефактах, отец – в редчайших исследовательских приборах и машинах. Я же владею знаниями в обеих этих областях. Продаю и покупаю и то, и другое. Уже два года я в пути, и смог приобрести несколько весьма необычных и ценных экземпляров. И положил начало своему собранию.

Его лицо оживилось, глаза посветлели, словно он говорил о чем-то родном.

– Это воспоминания. Не книги, нет, и не синема. Это настоящие, полноценные воспоминания, и это – прекрасные вложения. Воспоминания, заключенные в гильзу, навсегда стираются из памяти тех, кому они принадлежали. О, это редкие, дорогостоящие вещи! Людей, готовых совсем проститься с частью своей жизни, крайне мало. И то, что попадает в гильзы – бесценные, удивительные, порой мучительные и страшные истории. Это все-гда нечто экстраординарное! Знаете, дорогая, – Ахана вздрогнула, но он даже не заметил, что обратился к ней так. – Удивительно! Люди не готовы проститься ни с одним своим обычным, будничным и ничемным днем, и вместе с тем прощаются за деньги, возможно, с единственным, что стоит помнить, – он помолчал, глядя сквозь нее.

– Барт всегда со мной. Во всех моих поисках, трудностях, сложностях. Когда он заболел, я думал – чепуха, Барт не может болеть сильнее меня. А он вот...смог. Сказал, что только вы его вытащите с того света. И меня заодно. Я только сегодня понял, о чем он говорил, – он больше не смотрел сквозь нее. Шторм набирал силу. Она попробовала убрать руку. Он машинально сжал пальцы, посмотрел вниз, словно удивлялся, что это небольшое движение сбilo его с мысли. Наклонился, коснулся губами её запястья. Медленно и тихо произнес:

– Не уходи. Не оставляй меня. Останься.

И она осталась.

Он не помнил. Стащив визиошлемофон с головы, он мучительно пытался вспомнить Сарканд, Ахану Рэйд и всё, что тогда произошло. Этого не могло быть, просто не могло – он бы помнил хоть что-то. Если только... Нет, это не возможно, он бы никогда...

– Ну, что, оценка произошла успешно? – эта наглая хамоватая девица всё ещё была здесь. Наливала из полупустого кофейника остывший кофе и примеривалась к очередному морковному крекеру. – Хотелось бы расчёт, если берёте!

Она широко улыбнулась, глядя ему прямо в глаза и надкусывая печенюшку.

– Расчёта не будет.

Наглуую ухмылку стёрло, словно её и не было. Остаток крекера брошен на столик мимо тарелочки, вокруг которой, словно у пушки, сложены пирамидками восковые ядра.

– Отдайте гильзу. Я найду для нее покупателя.

Девушка вскочила, на секунду грозно нависнув над Джеймсом во весь рост. Но он тоже встал, затягивая паузу и довольно улыбаясь. Наконец-то он вывел её из равновесия!

– Нет.

Теперь они смотрели друг на друга в упор, упрямо сжав губы и набычившись.

– Если не отдадите – убью. Ещё никто не грабил Дару Бёрнс.

Он помолчал еще пару мгновений, с удовольствием наблюдая, как краска ярости заливает её лицо, и начинают пылать даже мочки ушей, не спрятанные кудряшками. Казалось, по ней сейчас подадут гальванический ток, и вот-вот волосы сами собой избавятся от шляпки и распрямятся вокруг головы во все стороны.

– Не отдам.

Увидел, как её левая рука нырнула в кобуру. Так и быть.

– У этой гильзы должна быть пара. По-отдельности они ничего не стоят. Это вам любой антиквар и коллекционер скажет. Но! Я готов вас нанять, что бы вы нашли для меня вторую. Если быть точным, гильзу под номером один. После получите полный расчёт.

Она вытащила руку из кобуры. Разжала ладонь. На ней тускло отсвечивала желтым гильза 0.303 калибра. Это была та самая. С цифрой «один» на боку. Барт молча забрал кофейник и опустевшую тарелочку для печенья. Как ни в чем не бывало, гостя плюхнулась обратно в кресло.

– А есть булочки и масло? И еще сливки?

Джеймс с изумлением заметил, как Барт улыбается.

Он сидел, не снимая визиошлемофон, хотя перед глазами давно уже была чернота линз. Это была гильза с его воспоминаниями. Записал её перед своим отъездом из Сарканда, и, скорее всего, Барт отнес её Ахане. Вся их история. Ведь он, Джеймс, решил, что всё это чересчур. Что это всё не для него, что холодный рассудок ценнее горячего сердца. И то, что хорошо в Азии, никуда не годится в Британии. Нет, не струсил. Просто решил, что всю свою страсть сможет отдать только тому, чем сможет владеть безраздельно. Своей коллекции. Вдруг вспомнилась его собственная фраза, сказанная Ахане когда-то и вернувшаяся к нему сегодня.

– Люди не готовы проститься ни с одним своим обычным, будничным и никчемным днем, и вместе с тем прощаются за деньги, возможно, с единственным, что стоит помнить...

Надо же. Он сам оказался в их числе. Разве что не за деньги... Хотя... Как посмотреть...

Он вздохнул и стянул шлем. Увидел довольно милую картинку – как Дара Бёрнс намазывает булочку маслом, а Барт доликает ей кофе. Оба лучились радостью и глядели друг на друга

заговорщически. И почувствовал, как в нём растёт чистое, ничем не замутненное бешенство. Он резко встал, и ледяным тоном произнес:

– Барт, оставь нас.

Барт степенно кивнул, и вместе с кофейником сделал малюсенький шагок назад. Вот подлец! Ну, с ним позже. Буря должна была бы потрепать эту наглую, рыжую, беспардонную девицу! Но он постарается сохранить спокойствие. Ей не удастся вывести его из себя.

Она безмятежно улыбалась. Что еще за козыри у неё припасены?

– Мисс Бёрнс. Я готов произвести с вами расчёт.

– Отлично, мистер Паддингтон. Если припомните, у меня было еще одно условие.

– Не припоминаю. Надеюсь, наш разговор закончен.

Он подошел к секретеру, надавил пальцем на неприметную планку, выгреб несколько пачек наличными, швырнул их на кофейный столик. Увидел, как изумленно взметнулись вверх рыжие бровки, и округлились от удивления глаза. Отлично. Ему не терпелось избавиться от неё. Считая себя более не обязанным, глянул в окно. Нужно успокоиться. Подумать, что делать дальше. Хотелось на воздух, пройтись, давно уж не заглядывал в табачную лавку Льюисса Джей Фокса...

– И вам всё равно, как эти гильзы попали ко мне, и почему, только сейчас, к вам?

Это был удар в спину. Он хотел. И не хотел. Быть может, позже, когда внутри уляжется этот кусок его возвращенной памяти? А вдруг это «потом» не наступит? А она, эта выскочка и надоеда, уже умчится навстречу всем ветрам? Стало ясно, что ещё не всё.

– Что вам от меня нужно? Как к вам попали эти воспоминания? И кто вы, чёрт побери, такая?

Её лицо стало абсолютно серьёзным. Он понял, что знает этот взгляд. Темно-синий, тот, в котором зреет шторм. Свой собственный.

– Ахана Рэйд была моей бабушкой. Так и не вышла замуж, всю жизнь проработала в Королевском меддивизионе, до-служилась до звания личного врача Её Королевского Величества. Вернувшись тогда из Пекина, родила дочь. Вы встречались несколько раз уже здесь, в Лондоне, но так и не узнали её. А когда появилась я, она рассказывала мне про память, которую прячут в гильзы. Вторую гильзу она заполнила за пару дней до своей смерти. Три недели назад. Отдала их обе мне. А перед этим я узнала от неё всю эту историю и то, что я – ваша внучка. На самом деле мне ничего не нужно, и деньги тоже. Просто пришла познакомиться. Родной дед, как-никак.

Он молчал. Прожитое навалилось своей неотвратимостью, и узнанная сегодня история из прошлого заслонила своей весомостью и значимостью всё остальное.

Джеймс взглянул на Дару, потом на так и не ушедшего из комнаты Барта. На их лицах застыло одинаковое выражение – смесь едва сдерживаемой радости и недоверия. И ожидание его решения. Чёрт с вами!

– Я хочу познакомиться со своей дочерью! Как, говорите, её зовут?

Нет, ну, до чего у неё заразительная, чертовски обаятельная улыбка!

– Эллин, мистер дедуля, её зовут Эллин!

БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Сегодня все вокруг было чудесным. Казалось бы, таким же, как вчера, и все же неуловимо чудесным. Город вокруг жил своей самой обычной жизнью, и все подчинялось размеренному и запланированному ритму. Да и сам Роман, только что довольно буднично сменивший в ближайшем административном портале детский браслет на взрослый, на первый взгляд ничуть не изменился. Разве что цвет браслета у него теперь не зелёный, а темно-синий, более плотно вгрызшийся в его запястье, уже не с одним коннекторным разъемом и инфовходом. Но Роману, шагавшему на следующий цикл работы, казалось, что на него сейчас смотрят все вокруг. Мужчины здороваются, уважительно кивнув, девушки оживляются и улыбаются, а весь город просто осознает, что у него еще один – совершеннолетний – житель. И он, Роман, с утра покинувший свою цветную капсулу в детском блоке, уже получил вместе с браслетом и новый распорядок работы, и новые перераспределения по учебе, и новые координаты доступных мест для сегодняшнего сна.

Взрослый! Теперь ему открыта дорога и к взрослым развлечением, и... Звук сирены, предназначенной только ему, просто оглушил. Через мгновение он пришел в себя и понял, что на радостях выскочил на пару шагов с пешеходной на служебную дорожку. Просто по ней имели право передвигаться лишь городские чистильщики. А еще через мгновение новенький темно-синий браслет сжимался на его запястье, медленно затягивался и тяжелел. От него уже потянулся поисковый световой луч, который уткнулся, в конце концов, в серую административную будку копа. И Роман побежал туда.

– Пожалуйста, обеспечьте доступ к необходимой информации.

Мелодичный девичий голос опоздал со своей инструкцией – Роман уже зачихнул руку с браслетом в «читалку». Не-

большой стандартный административный комплекс, в просторечии именуемый «копом», представлял собой округлый павильон не больше метра в диаметре, и был снабжен всем самым необходимым для выполнения основных функций – планирование и отслеживание порядка на своей территории. «Читалка» – небольшая выемка в панели, куда помещалась рука с информационным браслетом, экран, на который выводилась необходимая визуальная информация, и круглый люк, выполнявший роль пола. Роман почувствовал легкие прикосновения к браслету, тот ослабил хватку. Можно перевести дыхание.

– Роман Хан, индивидуальный номер 5670987 РХ. Совершеннолетний. Вам предъявляется обвинение в нарушении распорядка в черте города МСК-13, сектор 68. Нарушение относится к проступку 18 порядка и влечет за собой следующие возможные виды наказания:

Первое. Восемь часов исправительных работ на фабрике водорослевой продукции. Специализация – дегустатор.

На экране проявились координаты фабрики, срок и специализация.

Роман представил, каково это, есть восемь часов подряд всякую дрянь, выращенную непонятно из чего ... Его передернуло.

– Второе. Четыре часа звукозаписи в центре обслуживания и транспортных коммуникаций. Специализация – редактор звукосинтеза. Третье. Три часа работы в обучающем центре с детьми, достигшими среднего возрастного рубежа. Специализация – тренер по кардионагрузкам.

Последовало еще тринадцать предполагаемых наказаний. Отлично началась его взрослая жизнь.

– Пожалуйста, определитесь с выбором наказания.

Рука с браслетом была плотно зафиксирована в «читалке». Да какая, собственно говоря, разница? Все вышеперечисленные специализации входили в его обучающие программы, он справится с любой из них. И в список наказаний-то они попали на основании анализа его предпочтений – это то, чем он никогда не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.